

Беседа 47 Распятие разбойников, надпись на кресте, раздел одежды

Распявшие Его делили одежды Его, бросая жребий, кому что взять. Был час третий, и распяли Его. И была надпись вины Его: Царь Иудейский. С Ним распяли двух разбойников, одного по правую, а другого по левую сторону Его. И сбылось слово Писания: и к злодеям причтен (Мк. 15, 24 - 28).

Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски. Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский. Пилат отвечал: что я написал, то написал. Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. Итак сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет, — да сбудется реченное в Писании: разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий. Так поступили воины (Ин. 19, 19 - 24).

Распятие разбойников...

Распявшие же Его делили одежды его, бросая жребий... Тогда распяты с Ним два разбойника: один по правую сторону, а другой по левую

(Мф. 27, 35, 38).

И была над Ним надпись, написанная словами греческими, римскими и еврейскими: Сей есть Царь Иудейский

(Лк. 23, 38).

Позорна была казнь, к которой присудили Иисуса Христа синедрион и Пилат. Но Божественная слава Иисуса просияла сквозь мрак унижения и бесчестия. Распятие разбойников по сторонам Иисуса, надпись на кресте Его по устройению высшему приносят славу Ему.

С Ним распяли двух разбойников, одного по правую, а другого по левую сторону Его (Мк. 15, 27).

По расчету синедриона это значило, что Иисус Христос — такой же преступник, как разбойники, и даже Он — глава их, как занимающий между ними самое видное место. Злоба синедриона не довольствовалась позорною казнью Спасителя: ей хотелось еще увеличить посрамление Иисуса, ей хотелось, чтобы народ видел, в ряду каких людей обретается Учитель Назорейский!

И сбылось слово Писания: и к злодеям причтен.

Злоба синедриона хотела как можно более унижить и посрамить Иисуса Христа, а вышло то, что она только увеличила славу Его. Тогда, когда действовала она против Иисуса, она списывала со слов Пророка о Страдальце — Рабе Иеговы — изображение Мессии Иисуса. Исайя писал о Рабе Иеговы: *предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем* (Ис. 53, 12). Мы видели прежде, как многие черты Мессии из пророчества Исаии о Рабе Иеговы уже вошли в историю страданий Спасителя. Синедрион принял на себя внести еще одну черту. По его домогательству Иисус причтен к незаконным. Итак, Иисус — Раб Иеговы по распоряжению Небесному, которое насмехается над распоряжением синедриона. По воле Промысла синедрион, против воли своей, подтверждает достоинство Мессии Иисуса. Так нередко и в других

случаях небесный Промыслитель посмеивается над распоряжениями страстей человеческих!

Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев.

Обыкновенным делом было, что над главою осужденного на распятии означали вину, за которую распят осужденный. И над главою Иисуса написана была вина (Мф. 27, 37). Но как много особенного оказалось в этом случае! Содержание надписи: *Иисус Назорей, Царь Иудейский*. Что хотел сказать этим Пилат? На первый взгляд надпись выражала ту самую вину, за которую требовал синедрион Иисуса на смерть, — присвоение царского достоинства. Но надпись не ясна. Не видно, присвоил ли Себе это достоинство Сам Иисус или присвоили Ему другие? Признавали ли Его иудеи Царем и только изменнически выдали своего Царя врагам или, не имея причин почитать Его Царем, предали Его в руки законной власти? Это — неопределенность намеренная, и очень неприятная для синедриона!

Надпись написана была на трех языках с тем, чтобы не знающий одного мог понимать ее на другом или на третьем языке. Еврейский язык понимали тогда не все иудеи, греческий язык был общепотребительный во всей Римской империи; римский язык оказывался нужным по крайней мере для того, чтобы понимали, какая власть осуждала Иисуса. Если же на всех трех языках надпись говорила одно то же, чтобы только быть понятною всем, то это значило, что лицо, о котором говорила надпись, есть лицо важное. Так писались у римлян надписи только для лиц самых высоких, для победоносных полководцев и царей. Следовательно, вид надписи придавал и от себя горечи синедриону.

Заметим еще, что по словам евангелиста, Пилат *поставил на кресте* надпись; следовательно, она была на особой доске. Это несомненно и потому, что при благочестивой Елене надпись нашли лежащею отдельно от креста. Такое положение надписи также выражало ее торжественность, неприятную для синедриона.

Неприятную для него надпись читали многие из иудеев; она скоро стала известною. Голгофа так близка была к Иерусалиму, а в Иерусалиме теперь было множество иудеев из разных стран. Итак, неопределенность надписи нельзя было исправить объяснением значения ее по мыслям синедриона.

Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский...

Синедрион видел, что надпись Пилата была тонкою мезью синедриону, который даже, как видно, испугался последствий неопределенности ее, потому спешил просить Пилата о перемене ее. Понятно, что еврей должен был читать эту надпись с негодованием на синедрион, оскорбляющий так торжественно Царя Иудейского и с тем вместе чувство народной свободы. Синедрион просил: *не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский.* В последнем виде позор надписи в глазах падал бы, конечно, на Самого Иисуса; по крайней мере, легко было бы придать ей такое значение и волновать народ негодованием против Распятого, как против царя-самозванца. Но Пилат, столько уступивший синедриону в оскорблении совести, не хотел более уступать уже по одной гордости. С гордостью римлянина отвечал он синедриону: «Что написано, останется написанным, перемены не будет».

Так Пилат хотел мстить синедриону. Но в то же время ненамеренно, бессознательно был он проповедником великих истин. «Пилат, — скажем словами блаженного Августина, — что написал, то написал, так, как Господь, что сказал, то сказал. Он сказал: Я Царь, поставленный над Сионом (Пс. 2, 31); сказал, что Ему должно пострадать, дабы войти в славу Свою. Оставалось провозгласить нового Царя. И Пилат-язычник торжественно провозглашает Его наперекор властям иудейским. Здесь и пророческий символ событий, имевших вскоре последовать. Народ иудейский увидел, и к посрамлению своему видит, как народы языческие один за другим признают распятого Иисуса своим Царем, Спасителем и Господом».

Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части...

После распятия Спасителя воины разделили между собою Его одежду. Так бывало по принятому обычаю, что одежда осужденных на распятие обращалась в собственность распинавших воинов. Но при делении одежды Иисуса открылась особенность. Всю другую одежду, кроме хитона, они разделили на четыре части, разорвав то на части, что не могло достаться всем. Но хитон Спасителя жаль было раздирать на части. Хитон не был сшитый, а весь тканый. Такой был хитон священников и первосвященников иудейских (Исх. 39, 27). По преданию, хитон Спасителя был приготовлен

руками Самой Богоматери. Воины положили бросить о нем жребий, кому достанется. Святой Иустин Мученик (II век) писал императору: «По распятии Его распинавшие Его бросили жребий об одежде Его и разделили себе. А что это действительно так было, можно узнать из актов, составленных при Понтии Пилате» (см. Апологию, п. 45).

Да сбудется реченное в Писании: разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий. Так поступили воины.

Воины бросили жребий о хитоне по своему расчету, а воля Божия творила свое, — она выполняла то, чему надлежало быть по ее изволению, давно открытому в Писании. Исполнилось теперь предсказанное Давидом (Пс. 21, 19). Слова Давида были в собственном смысле пророчеством о Мессии. Надобно было встретиться не только такой странности, чтобы решились не при грабеже делить одежду, но надлежало случиться и тому, чтобы об одной из одежд бросили жребий. Так это были слова страждущего Мессии, Который должен был умереть в позорной наготе, преследуемый ожесточенной ненавистью врагов.

О, Господи Иисусе! Велика милость Твоя будет к нам, если и последний вздох наш будет хвалою Тебе, распявшийся за нас Спаситель наш! Аминь.

